

П.Дж. Родс

КОМУ ПРИНАДЛЕЖАЛА ВЛАСТЬ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ АФИНАХ?¹

Начну с Фукидида: в 430 г. до н.э. после отрешения Перикла от должности стратега (в отличие от Фукидида об этом говорят Диодор Сицилийский – XII. 45 и Плутарх – Рег. 35. 4–5) афиняне «снова выбрали его в стратеги, доверили ему все государственные дела» (Thuc. II.65. 4; здесь и далее перевод Ф. Мищенко); он «свободно сдерживал народную массу, и не столько она руководила им, сколько он ею» (§ 8); «по имени это была демократия, на деле власть принадлежала первому гражданину» (§ 9). Ранее в той же второй книге мы читаем, что во время вторжения пелопоннесцев в Атику в 431 г. до н.э. Перикл «не созывал народного собрания и не устраивал вообще никаких совещаний из опасения, как бы граждане в собрании не впали в ошибку, действуя скорее под влиянием раздражения, а не по внушению рассудка» (Thuc. II. 22.1) Лишь во время второго вторжения в 430 г. до н.э., когда вступление Афин в войну стало подвергаться критике, «будучи еще стратегом, он созвал народное собрание» (Thuc. II. 59. 3).

В данном случае меня интересует не характеристика Перикла, а система, в которой должны были действовать афинские политики. Как мы должны характеризовать ее, если неверно было бы называть Перикла, как это теперь принято, «премьер-министром» Афин, а равно использовать такие понятия, как «умеренно демократическая партия», или «партия войны». Действительно ли афиняне «доверили ему все государственные дела» (и могли ли они это сделать)?

Какой властью обладали, скажем, тот же Перикл и афинский демагог Клеон? Какими средствами оказывать влияние они располагали в дополнение к той власти, которую они имели? Наконец, насколько возможно было кому-либо проводить собственную политику и следить за тем, чтобы ей следовали неукоснительно? И если отсутствовало что-либо подобное «умеренно-демократической партии», или «партии войны», то были ли политические единомышленники объединены в какие-либо группы?

Начнем с прерогатив власти. В середине V в. до н.э. десять афинских стратегов были не только военачальниками, но и политическими лидерами. Они избирались ежегодно и могли быть переизбраны. Первоначально каждая фила избирала по одному стратегу. В 430-е годы до н.э. порядок изменился, и одна из фил могла вовсе не иметь своего стратега, а другая избирала сразу двух. Целью этой модификации, как полагали, было наделение кого-либо полномочиями главнокомандующего или же признание особого положения Перикла и создание благоприятных возможностей для избрания представителей его филы.

Однако сейчас установлено, что (за исключением Алкивиада в 407/6 г. до н.э.)² в

¹ Настоящая статья представляет собой доклад, прочитанный на Ломоносовских чтениях в МГУ в апреле 1997 г. Для перевода и публикации любезно предоставлена автором.

² Xen. Hell. I.IV. 20; strategos autocrator – *Diod. Sic.* XIII. 69.3; *Plut.* Alc. 33.2. В своих сообщениях Ксенофонт и Диодор не зависят друг от друга, и мне не известно, сомневается ли кто-нибудь в особом характере такого назначения.

классических Афинах не было главнокомандующих, стоящих над другими стратегами³. Поэтому представляется весьма правдоподобным, что изменения в системе избрания стратегов не имели целью создать для кого-либо особое положение, но были скорее вызваны отсутствием в других филах (одной или нескольких) сильных претендентов на должность стратега⁴.

Плутарх сообщает, что Перикл избирался стратегом ежегодно в течение последних 15 лет своей жизни (*Plut. Per.* 16.3)⁵. 15 лет, возможно, не совсем точно. Я не уверен, что Перикл был стратегом в 444/3 г. до н.э.⁶. Но мы располагаем сведениями о том, что он был стратегом большую часть лет начиная с 441/0 г. до н.э. И я не вижу оснований сомневаться в возможности его избрания и в те годы, о которых мы не располагаем сведениями. Неоднократное избрание Перикла было признанием его положения в Афинах и средством возложения на него властных полномочий.

Каких полномочий? Стратеги по назначению народного собрания возглавляли военные экспедиции. Возможно, они выполняли какие-то обязанности в армии и на флоте. В период военных действий они могли принимать решения, не требовавшие консультации с народным собранием. Однако им угрожало то, что собрание могло не одобрить принятые ими решения. Так было со стратегами, заключившими мирный договор с Гелой в 424 г. до н.э., которые по возвращении узнали о неодобрительной реакции собрания (*Thuc. IV.* 65)⁷. Хотя, насколько нам известно, выбора в этом случае у них не было.

В сфере политики стратеги обладали незначительными конституционными полномочиями. Упомянувшиеся выше высказывания Фукидида позволяют предположить, что они имели какие-то полномочия в вопросе созыва (или не созыва) народного собрания, что в обычное время являлось функцией Совета пятисот и его постоянного комитета пританов. Кроме того, ко времени Пелопоннесской войны относятся два постановления народного собрания, зафиксированные как *gnome strategon* – предложение стратегов (*IG I³.* 89, 55 sq., 92). Почти все сохранившиеся декреты, за небольшим исключением, именные – их формула сохранила имя внесших данное постановление на рассмотрение собрания. Любой афинский гражданин, обладающий всеми гражданскими правами, мог поставить на обсуждение свой вариант постановления. Я уверен, что и стратеги нередко предлагали собранию свои решения, но в декретах фиксировались лишь имена – без указания на занимаемую должность. Очевидно, что стратеги не обладали специальными полномочиями, внося данные предложения. Два упомянутых постановления свидетельствуют скорее о том, что во время Пелопоннесской войны несколько возросла политическая значимость стратегов, но лишь несколько. Формальная конституционная власть Перикла не могла приблизиться к единовластию, ибо он не стоял выше других своих коллег-стратегов, к тому же власть стратега имела свои пределы. Так что афиняне вряд ли «доверили ему все государственные дела», как уверяет нас Фукидид.

Итак, если Перикл или кто-либо другой занимал лидирующую позицию в Афинах,

³ *Dover K.J.* «δέκαστος αὐτός» // *JHS.* 1960. 80. 1960. P. 61–77 = *idem.* *The Greeks and their Legacy.* Oxf., 1988. P. 159–180. Его выводы не удалось опровергнуть: *Bloedow E.D.* *Hipponicus and Enthydemus (Euthynus) // Chiron.* 1981. XI. P. 65–72; *idem.* *Pericles' Powers in the Counter-Strategy of 431 // Historia.* 1987. Bd 36. Ht I. P. 9–27.

⁴ *Piéart M.* A propos de l'élection des stratègues atheniens // *VCH.* 1974. 97. P. 125–146 (уточнения в статье Л. Митчелл, готовящейся к печати).

⁵ «А после того как Фукидид лишился власти и был изгнан, он приобрел власть и господство, единое и непрерывное на протяжении не менее пятнадцати лет в форме ежегодно возобновляемого избрания на должность стратега» (*Plut. Per.* 16.3; пер. С.Я. Лурье).

⁶ Это предположение высказано в статье: *Wade-Gery H.T.* *Thucydides the Son of Melesias // JHS.* 1932. 58. Pt 1. P. 206 = *idem.* *Essays in Greek History.* Oxf., 1958. P. 240 f.

⁷ «С согласия афинян союзники заключили соглашение, после чего афинские корабли удалились из Сицилии. По возвращении стратегов в Афины афиняне приговорили к изгнанию Пифодора и Софокла, а на третьего, Евримедонта, наложили штраф. Стратегов обвиняли в том, что, имея возможность покорить Сицилию, они ушли оттуда вследствие подкупа» (*Thuc.* IV. 65. 2–3).

то отнюдь не благодаря своей должности и дававшей ей власти. В чем же, спросим мы теперь, заключалась их власть и каким образом политическим лидерам удавалось доминировать?

В классических Афинах все важные решения (и масса менее важных) принимались народным собранием. Оно было открыто для всех взрослых граждан мужского пола, и обычно на нем присутствовало около 6000 человек (примерно от 10 до 20 процентов, обладавших этим правом). В Афинах, как и в других греческих полисах, принятию решения предшествовало его обсуждение в не столь многочисленном комитете – Совете пятисот (Arist. Ath. Pol. 45.4)⁸. Однако афинская версия этого правила требовала лишь согласия Совета на включение вопроса в повестку народного собрания. Совет мог давать или не давать своего согласия, но как только вопрос ставился на обсуждение, любой гражданин мог выступить с речью и внести свое собственное предложение или поправку к уже выдвинутому.

Так что тот, кто желал проводить в Афинах свою политику, должен был убедить граждан голосовать за свое предложение или за предложения тех, чьи взгляды он разделял. Если он был стратегом, ему было легче обратить на себя внимание председательствующего и получить слово. А то, что он говорил, могло казаться более весомым. Но, кроме сказанного, он не имел никаких преимуществ перед другими. Мне еще придется говорить о группах поддержки, но здесь замечу, что дебаты на заседаниях собрания не были простой формальностью. По крайней мере какая-то часть граждан приходила на очередное заседание с открытой душой – с намерением определить свою позицию после выслушивания речей. Одни из них, смею утверждать, серьезно относились к аргументам ораторов, определяя таким образом свою позицию. Другие, по словам Клеона, в большей мере были «зрителями речей» которых более всего затрагивало само действие, нежели содержание речей (Thuc. III. 38.4). Вдобавок, мне представляется, что в афинском собрании было значительно больше колеблющихся, нежели в современных парламентах, поэтому популярный политик должен был быть и популярным оратором, который мог бы склонить колеблющихся на свою сторону.

Одним из первых в ряду политиков «нового типа» называют Клеона. Он отличался от политиков, подобных Периклу, уже тем, что не избирался ни на какую официальную должность. Правда, волею случая он стал стратегом во время пилюсских дебатов 425 г. до н.э., когда Никий предложил ему возглавить военную экспедицию, чему Клеон, если верить Фукидиду, отчаянно сопротивлялся (IV. 27. 5–28.4)⁹. Его политический вес определялся не тем, что он занимал важный пост, но только тем, что он был τῷ πλῆθει πεισιγῶτατος – человеком, пользовавшимся наибольшим доверием демоса (Thuc. IV. 21.3). Политики «нового типа» прежде всего были ораторами. Поэтому те, кто желали преуспеть на политическом поприще, должны были обучаться у софистов умению аргументировать и ораторскому искусству. Не случайно слово *rhetor* (оратор) становится в IV в до н.э. одним из обозначений политика.

И все же, хотя владение ораторским искусством необходимо для политика, оно было не единственным условием его успеха. Наивно полагать – и в этом я соглашусь с М. Финли, что «Перикл приходил на заседания народного собрания, где обсуждались серьезные вопросы, вооруженный (сколь бы то ни было важно) лишь собственным разумом, знаниями, харизмой и своим искусством оратора»¹⁰.

Чрезвычайно важно было иметь доступ на заседания Совета, поскольку каждый вопрос, выносимый на собрание, обсуждался в Совете. Любой гражданин – стратег или другое должностное лицо, или человек, не занимающий никакой должности, мог

⁸ «Он (Совет. – Прим. перев.) составляет предварительные заключения для внесения в народное собрание, и народ ни по какому вопросу не может вынести постановления, если об этом не состоялось предварительного заключения Совета или если этого не поставили на повестку пританы» (Arist. Ath. pol. 45.4; пер. С.И. Радцига).

⁹ The Cambridge Ancient History. V. V. Pt 2. Cambr., 1985. P. 417.

¹⁰ Finley M.I. Politics in the Ancient World. Cambr., 1983. P. 7.

испросить у пританов позволения обратиться к членам Совета. Ведущие политики, я уверен, использовали такую возможность. Еще лучше было быть членом Совета или иметь там друзей, которые могли бы обеспечить благоприятный отклик на апелляцию. Они же могли поставить требуемый вопрос на обсуждение в Совете и вынести его на заседание собрания. Члены Совета представляли различные демы. Они избирались по жребию сроком на один год. Никто не мог быть членом Совета более двух раз в своей жизни. Скорее всего сколько-нибудь серьезной борьбы за эту должность не наблюдалось. Желаящий занять ее мог, пожалуй, добиться этого без особых трудностей. Другое дело – политик, который нуждался в поддержке Совета из года в год. Он должен был иметь немало друзей, представлявших в Совете его интересы. Возможно, совсем не случайно, что Демосфен был членом Совета, когда афиняне заключили мирный договор с Филиппом Македонским. Эсхин – оппонент Демосфена – утверждал даже, что последний добился должности за взятку (III. 62)¹¹. Но мы не должны относиться к этому всерьез. Позднее Эсхин заявит, что Демосфен заставил одного из членов Совета внести предложение от своего имени. Обвинение состояло в том, что тот не отдавал себе отчета в последствиях своего поступка (Aesch. III. 125)¹². В конце V в. до н.э. членом Совета был Клеон – либо в 428/7 г. до н.э. (он мог стать им сразу после смерти Перикла), либо – что более вероятно – в 427/6, т.е. в тот год, когда решалась судьба Митилены¹³. В 421/0 г. до н.э. – после гибели у Амфиополя Клеона – членом Совета становится Гипербол.

В Афинах не было политических партий современного типа, имевших четкую политическую позицию при решении возникавших вопросов, партийную организацию и дисциплину. Ближе всего к их возникновению Афины подойдут в 340-е и 330-е годы до н.э. Важнейшим вопросом для Демосфена станет тогда сопротивление Филиппу (не взирая на его финансовые последствия). Для Евбула, Эскина и их сторонников наиболее актуальной проблемой станет, наоборот, восстановление – даже ценой сотрудничества с Филиппом – финансовой системы Афин. Демосфен (XIX. 225–226)¹⁴ жаловался тогда, что Филипп требует от своих союзников быть дружественными только к тем, кто не настроен враждебно к нему. В это время избрать Демосфена на высокий пост означало фактически голосовать за борьбу с Филиппом.

В другие времена некоторые афиняне могли быть настроены, скажем, проспартански или как-то еще. Когда Кимон в 461 г. до н.э. подвергся остракизму, его враги вменили ему в вину антидемократизм и симпатию к Спарте (*misodemos* и *philolakon*) (Plut. Per. 9.5). Однако в борьбе за высокие посты они представляли лишь сами себя. И если все же они могли ассоциироваться с определенной политической линией, то это был лишь один из фактов их биографий.

¹¹ «Демосфен входит в Совет, не будучи по избранию ни действительным, ни запасным его членом, но купивши эту должность проiscaми...» (Aesch. III. 62; пер. С. Ошерова).

¹² «Я изблiчил его (Демосфена. – Прим. перев.) на ваших глазах; и тогда он, не имея возможности обманывать государство открыто, отправляется в Совет, удаляет оттуда посторонних и, воспользовавшись неопытностью письмоводителя, наговаривает предварительное решение для Народного собрания» (Aesch. III. 125; пер. С. Ошерова).

¹³ См. Rhodes P.J. The Athenian Boule. Oxf., 1972. P. 4,57. Not. 3. A. Гомм датирует митиленские дебаты 427/6 г., а битву у Амфиополиса 422/1 г. до н.э. (Gomme A.W. A Historical Commentary on Thucydides. V. III. Oxf., 1956. P. 718, 721). Даты членства Клеона в Совете обсуждаются Дж. Аткинсоном, который, как и я, склонен остановиться на 427/6 г. до н.э. (Atkinson J.E. Curbing the Comedians: Cleon Versus Aristophanes and Syracosios' Decree // CIQ. 1922. 52. P. 57 f.).

¹⁴ Вы, конечно, знаете присутствующего здесь Пифокла, сына Пифодора. С ним у меня были самые прекрасные отношения, и до сего дня между мною и им не бывало никаких недоразумений. Но вот теперь, после того как он побывал у Филиппа, он при встрече со мной сторонится от меня... зато с Эскином он разгуливает по всей площади взад и вперед и совещается. Так разве это не странное и не поразительное дело, граждане афинские: люди, взявшиеся служить делу Филиппа, находятся под таким бдительным наблюдением с его стороны, что даже здесь ни одно их действие – все они могут быть уверены – не укроется от него, как если бы он сам здесь присутствовал, но за друзей они должны считать тех, кого угодно ему, и одинаково за врагов» (Dem. XIX. 225–226; пер. С.И. Радцига).

Можно указать и на другие факты. Как известно, Солон освободил гектеморов – зависимых землевладельцев. С этих пор в Афинах больше не было граждан, находившихся в зависимости от других. Однако и после них немало простых афинян могли быть в той или иной степени зависимы от аристократических семей. Большая часть граждан, а возможно и все, были связаны с одной из псевдородственных структур – фратрий. В настоящее время традиционное представление о фратрии как структуре, ядром которой является аристократический *genos* (клан), занимающий в ней привилегированное положение, подвергается критике¹⁵. Я думаю, однако, что в момент своего появления фратрия представляла собой организацию, связывавшую влиятельные семейства с теми, кто зависел от них. Известно также, что отдельные семьи из поколения к поколению были связаны с одними и теми же фратриями. Подобная связь могла оказаться для лидеров одним из способов влиять на своих сторонников.

После реформ Клисфена каждый гражданин должен был принадлежать еще и к дему – составной части триттии и филы. Принадлежность к нему, так же как и к фратрии, была наследственной. Когда демы только появились, граждане либо жили, либо имели какую-то собственность в том деме, к которому они были приписаны. Фукидид сообщает, что накануне Пелопоннесской войны подвижность населения была невысокая (Thuc. II. 14.2). Во время войны и после нее доля граждан, живших на территории тех демов, к которым они принадлежали, по-видимому, сократилась (хотя мы и не знаем насколько). Тем не менее демы, триттии и филы были именно теми структурами, благодаря которым влиятельные люди могли оказывать влияние. Кимон делал это, предоставляя членам своего дема пропитание (Arist. Ath. Pol. 27.3)¹⁶. В приписываемых Лисию речах (XVI. 174; XXI. 15–16) мы находим упоминания о людях, оказавших материальную помощь дематам во время военного похода¹⁷.

Здесь же уместно вспомнить об институте литургий. В этом случае богатые граждане давали деньги на общественные нужды не косвенно, в виде взимаемых и распределяемых чиновниками налогов, а напрямую – снаряжая корабль или участвуя в организации театральных постановок. Те литургии, о которых нам известно больше, были государственными. Но были еще и местные литургии, исполнявшиеся в отдельных демах. Благодаря литургиям богатые граждане могли быть замечены обществом, но этим их роль не ограничивалась.

Как правило, исполнение литургии носило соревновательный характер. Призы могли ожидать тех триерархов, чьи суда были готовы к плаванию раньше других. Но и без них каждый триерарх старался оснастить свое судно как можно лучше¹⁸. Соперничество разворачивалось и во время фестивалей – при постановках трагедий или комедий, исполнении дифирамбов хорами мальчиков и мужчин. Тексты и исполнение были недостаточными условиями для победы. Учитывались костюмы и подготовка. Элемент состязательности усиливался, когда соперники представляли различные филы, например, во время исполнения дифирамбов.

¹⁵ Bourriot F. Recherches sur la nature du génos. P., 1976; Roussel D. Tribu et cité. P., 1976.

¹⁶ «Кимон... стал давать содержание многим из своих дематов. Так, всякому желающему из лакиадов можно было каждый день приходиться к нему и получать скромное довольствие» (Arist. Ath. pol. 27.3; пер. С.И. Радцига). Именно дематам, а не всем гражданам, как сообщают другие тексты. См. Rhodes P.J. A Commentary on the Aristotelian 'Athenaion Politeia'. Oxf., 1993. 2nd ed. Ad. loc.

¹⁷ «Затем, на общем собрании нашего дема, перед выступлением в поход, зная, что некоторые из членов его – граждане хорошие и готовые служить отечеству, но не имеют средств на дорогу, я предложил, чтобы люди состоятельные давали необходимые средства неимущим. Но я не ограничился лишь тем, что советовал это другим: я и сам дал двоим по тридцати драхм...» (Lys. XVI. 14; пер. С.И. Соболевского). «Таким образом, ему остается только сказать, что... он... добровольно из своих средств пожертвовал денег народу или снабдил оружием каких-нибудь членов своего дема, как это сделали многие другие граждане, не могшие лично оказать услуг отечеству... Позови сюда Диотима из Ахарн и других, выбранных вместе с ним для снабжения оружием членов дема на пожертвованные деньги" (Lys. XXXI. 15–16; пер. С.И. Соболевского).

¹⁸ О наградах см. IG II². 1629 = Tod 200. P. 190–204. О том свидетельствует и Фукидид, говоря о подготовке к Сицилийской экспедиции (Thuc. VI. 31.3).

Очевидно, что показателем патриотизма было исполнение большого количества литургий, а также затрата на них больших денежных сумм. Выступая на судах, граждане часто хвастались исполненными ими литургиями (см., например, *Lys.* XXI. 1–10). Щедро финансируемое и удачное исполнение литургий вознаграждалось общественным признанием. Так, Никий, получивший известность благодаря исполненным им литургиям, удостоился в 417 г. до н.э. чести возглавить делегацию на о-в Делос, которая приняла участие в празднествах в честь Аполлона (*Plut. Nic.* 3–4.1). В следующем 416 г. до н.э. Алкивиад привез на состязания в Олимпию семь экипажей колесниц, что можно расценить как вызывающе эгоистический способ затрат на празднество. Однако Фукидид находит тому оправдание, считая что подобная трата денег была литургией, принесшей славу Афинам¹⁹.

Наряду с всеобщим признанием, такого рода литургии порождали гордость и одобрение со стороны тех, кто к ним был причастен, – будь то команда снаряженного корабля или участвовавший в состязании хор. (А в последнем случае и признательность граждан той филы, чей хор побеждал.) Другими словами, литургии позволяли стремящимся к лидерству рассчитывать на общественное одобрение и поддержку.

Можно обнаружить и другие способы, с помощью которых лица, стремящиеся приобрести сторонников, обретали их. Хотя в Афинах, в отличие от Спарты, отсутствовала разработанная система возрастных классов, афиняне были связаны не только с коллегами по дему или филе, но и со своими одногодками, *helikiotai*. В течение двух лет – между 18 и 20 – афинянин принадлежал к промежуточной социальной категории эфебов, «стоящих на пороге взрослой жизни». В 330-е годы до н.э. была установлена постоянная система военно-патриотического воспитания эфебов²⁰.

Известно, однако, что термин «эфеб» был в ходу и до указанной даты. Имелись возможности и для обучения тех молодых людей, которые этого желали. Таким образом, юношей, родившихся в одном и том же году, объединяло совместное обучение. Не ранее второй половины IV в. до н.э. появляется форма выборочного призыва на службу гоплитов, распределяемых по определенным возрастным группам²¹. Кроме того, в гимназиях занимались лица приблизительно одного и того же возраста, они же собирались на коллективные попойки во время симпосиев. Одногодков объединяли гетерии – группы людей, имеющих близкий социальный статус, а иногда и сходные политические взгляды.

Итак, стремящиеся к лидерству имели возможность стать известными и обрести сторонников еще и среди одногодков (и даже большей их части). Никий, который был примерно на 20 лет старше Алкивиада, упоминая в своей речи молодых людей,

¹⁹ (*Никий*) «Если кто доволен своим избранием в военачальники и советует вам предпринять морской поход, преследуя при этом только личные интересы, особенно если этот человек еще слишком молод для звания военачальника, если он озабочен тем, чтобы своею конюшней возбуждать к себе удивление, и, так как содержать ее обходится дорого, надеется извлечь некоторую выгоду из звания военачальника, если такой человек дает вам советы, не давайте ему возможности блистать насчет безопасности государства... Когда я вижу их (молодых людей. – *Прим. перев.*) присутствующими здесь, куда они приглашены в помощь этому человеку, я ощущаю тревогу и советую со своей стороны старшим: кто из них сидит подле этих людей, не стыдится того, будто они покажут себя трусами, если будут голосовать против войны» (*Thuc.* VI. 12.2–13.1). (*Алкивиад*) «Эллины, видя то великолепие, с каким я выступил в Олимпии, и о могуществе нашего города составили себе более высокое представление... Опять-таки тот блеск, с каким я выступаю в городе при хорегах и т.п., в горожанах возбуждает зависть, для иностранцев же является свидетельством мощи» (*Thuc.* VI. 16. 2–3).

²⁰ Описание системы см. *Arist. Ath. pol.* 42. 2–5, о дате: *Rhodes. A Commentary ... ad. loc.*

²¹ См. *Arist. Ath. pol.* 53.7 (о ранней практике: *Ath. pol.* 26. 1 и *Rhodes. A Commentary... ad. loc.*; *Andrewes A. The Hoplite Katalogos // Classical Contributions: Studies in Honour of M.F. McGregor. Locust Valley – New York, 1981. P. 1–3*).

пришедших поддерживать последнего, призывает старших не стыдиться противостоять им (Thuc. VI. 12.2–13.1)²².

Специфической группой политических функционеров были лица, связанные с теми или иными лидерами, которых можно назвать их представителями или агентами. Такого рода люди скорее всего рассчитывали стать политическими лидерами следующего поколения афинян. По отношению к ним чаще всего использовался термин «гетайрос» («товарищ»). Известно, в частности, что Перикл лично вступал в борьбу лишь в самых серьезных случаях, для остальных он имел «друзей и других ораторов», выступавших на собрании от его имени²³. Так, Метиох изображался как «один из *hetairoi* Перикла» и высмеивался в комедиях как «мастер на все руки», хватавшийся за любую должность (Plut. Per. 7.7–8; Praec. Ger. Reip. 811c–813a)²⁴.

Впрочем, обязанностью представителя было не только произнесение речей от имени вождя или исполнение должности в контакте с ним. Получила известность находка 190 острака с именем Фемистокла, относящихся к 480-х годам до н.э. – дело рук не менее 40 человек²⁵. Вспоминается также история последнего суда черепков в Афинах, когда Алкивиад и Никий объединились в целях изгнания Гипербола. Значит, тот и другой имели своих сторонников, чьи голоса они до известной степени могли контролировать²⁶. Лучше всего деятельность политических агентов просматривается в периоды олигархических переворотов 411 и 404 гг. до н.э. (Thuc. VIII. 54. 4, 66.1; Lys. XII. 43–47)²⁷. Тем же, Впрочем, в другие времена могли заниматься и лояльные к демократии политики. Фукидид не случайно говорит о *hetaireiai* как о клубах, «существовавших в городе и раньше с целью производить давление на суды и выборы должностных лиц» (VIII. 54.4).

Упоминание судов заставляет нас обратиться к иной сфере деятельности, в процессе которой гражданин мог обратить на себя внимание и приобрести сторонников (а равно и нажить врагов). Репутация афинян как людей, склонных к сутяжничеству, по-видимому, заслуживает доверия. То, что нам известно о судебных процессах, позволяет считать, что немалая часть афинян (и весьма часто) обращалась в суд.

²² См. прим. 19. Никий, родившийся ранее 469 г. до н.э., был старше Сократа (Plato. Lach. 186 с, см. также Davies J.K. Athenian Propertied Families. 600–300 B.C. Oxf., 1971. P. 404). Алкивид впервые упомянут как голлит в 433/2 или 432/1 г. до н.э. (Plato. Symp. 219 f – 220 e; Charm. 153 a–b), как стратег в 420/19 г. до н.э. (Plut. Alc. 15.1). Поэтому он мог родиться не позднее 452/1 или 451/0 г. до н.э. (или немногим ранее того). См. Gomme A.W., Andrewes A., Dover K.J. A Historical Commentary on Thucydides. V. IV. Oxf., 1970. P. 48 f.; Davies. Op. cit. P. 18; Ste Croix de G.E.M. The Origins of the Peloponnesian War. L., 1972. P. 319 f.

²³ «Он выступал не по всякому делу и не всегда являлся в народное собрание, но, как выразился Критолай, подобно триере "Саламинии" позволял пускаться в ход только в особенно важных случаях, а во всех прочих обстоятельствах действовал через третьих лиц, выпуская в народное собрание своих друзей и других ораторов» (Plut. Per. 7.7; пер. С.Я. Лурье).

²⁴ Более он нигде не упоминается.

²⁵ Broneer O. Excavation on the North Slope of the Acropolis // Hesperia. 1938. 7. P. 228–243; ср. The Athenian Agora. V. XXV. Ostraka / Ed. M.L. Lang. Princeton, 1990. P. 142–161.

²⁶ См. Rhodes P.J. The Ostracism of Hyperbolus // Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis. Oxf., 1994. P. 85–98 (особ. 93–94).

²⁷ «Писандр обошел также все клубы, существовавшие в городе и раньше с целью производить давление на суды и выборы должностных лиц, и посоветовал им соединить свои силы, принять общее решение и ниспровергнуть демократию» (Thuc. VIII. 54.4). «Народное собрание и Совет, избравшийся по жребию, продолжали созываться, но в них обсуждалось только то, что решено было заговорщиками. Лица, выступавшие с предложениями, были из их среды, и предложения, которые должны были быть внесены, подвергались предварительному рассмотрению ими же» (Thuc. VIII. 66.1). «Еще при демократическом режиме так называемыми «товарищами» был учрежден комитет пяти эфоров (это и было их первым шагом к революции). Это были агитаторы среди граждан, лидеры заговорщиков, враги нашей демократии; в числе их были Эратосфен и Критий. Эфоры во все филы назначили старост, которым давали директивы, за что голосовать и кого выбирать на разные должности, и вообще в их власти было провести любую желательную им меру» (Lys. XII. 43–44; пер. С.И. Соболевского).

Судебные процессы были, как правило, личным делом отдельных граждан. Даже обвинения в преступлениях против государства почти всегда были инициативой одного или нескольких человек. И хотя обвинитель и обвиняемый могли выставить для выступления в суде своих друзей, а также использовать специалистов для написания своих речей, предполагалось, что они сами предстанут перед судом и сами произнесут свои речи. Произносимые на процессах речи свидетельствуют о том, что ораторы не стремились твердо придерживаться существа дела, зато очень часто напоминали о своих заслугах и промахах оппонента, с тем чтобы выказать себя лучшим, нежели соперник, гражданином.

В отличие от нас афиняне не видели разницы между противозаконными поступками и отсутствием элементарной политической мудрости (в том числе и отсутствием удачи). Поэтому нередко преследованию подвергались политики, давшие плохой совет, или военачальники, не сумевшие выиграть сражение, – те и другие нередко обвинялись в получении взятки. В то же время возбуждалось немало дел, в которых политические мотивы, формально не игравшие никакой роли, были тем не менее очевидны. Поскольку количество людей, рассматривавших дело, доходило до нескольких сотен, а то и тысяч, выступление в суде слушала столь же обширная аудитория, что и на заседаниях народного собрания. А сами судебные процессы давали возможность видным политикам не только атаковать своих противников, но и еще раз напомнить публике о себе и о своих заслугах, например об исполненных литургиях. Наконец, таким образом можно было поддержать своих гетайрой, коллег по дему, друзей и сторонников, в ответ снижав их признательность и поддержку.

Теперь обратимся к механизму выборов в Афинах. При избрании стратегов кто-то голосовал за кандидата, зная его военные заслуги, кто-то имел с ним личные связи (в рамках дема или филы), а кто-то, будучи одногодком, знал его на протяжении многих лет. Наконец, за него голосовали те, кто разделял его убеждения. При этом некоторые претенденты на эту должность мало беспокоились о своем избрании, не имея в своей филе серьезных соперников. В других филлах, наоборот, могло быть три или четыре сильных кандидата, из которых один мог быть избран стратегом от этой филы, а кто-то занять вакантное место, которое появлялось, если какая-то филла не имела сильного претендента. Иногда стратегом избирался человек, чьи связи сочли тогда полезными для государства. Примером такого рода может послужить историк Фукидид, имевший связи с Фракией, избранный стратегом на 424/3 г. до н.э.²⁸ Однако вряд ли это дает нам право трактовать перечень стратегов, который нам известен (а мы не имеем даже исчерпывающего списка стратегов периода Пелопоннесской войны), как борьбу «партии войны» и «умеренных консерваторов», как это делали еще в начале века²⁹.

В один и тот же год стратегами могли быть избраны люди различных взглядов и убеждений, если они имели достаточное количество сторонников. Мало того, их даже могли назначить возглавлять одну и ту же экспедицию. Так, я думаю, можно объяснить назначение Алкивиада и Никия в 415 г. до н.э. руководителями Сицилийской экспедиции. Это более вероятно, нежели утверждение о том, что «афиняне» (электорат в целом?) назначили их военачальниками в качестве противовеса крайностям друг друга³⁰. В 433 г. до н.э. одним из стратегов, командовавших первой афинской флотилией, посланной в помощь Керкире против Коринфа, был сын Кимона Лакедемоний (Thuc. I. 45. 2). Фукидид никак это не комментирует, а вот Плутарх полагает, что Перикл задумал это с целью унижения Лакедемония (Per. 29.

²⁸ Статью об этом готовит Л. Митчелл.

²⁹ West A.B. *Pericles' Political Heirs* // CIPh. 1924. 19. P. 124–140, 201–208.

³⁰ См., например: *Bury J.B. Rez.: R. Meiggs. History of Greece to the death of Alexander the Great. 4 th ed. L. 1975.* Близко мнение и Д. Кагана (*Kagan D. The Peace of Nicias and the Sicilian Expedition. N.Y., 1981. P. 170 f.*).

1–2)³¹. Но, нам думается, возможны и иные объяснения. Решение поддержать Керкиру было лишь поводом. Лакедемоний мог быть обязанным своим назначением не столько Периклу, сколько тем, кого не устраивала готовность последнего идти на конфронтацию с пелопоннесцами. Они оказались столь многочисленны, что сумели провести в число командовавших первой афинской экспедицией своего человека.

Это вновь возвращает нас к вопросу о политическом курсе и процедуре принятия решений народным собранием. В Афинах не было политических партий со своими программами и партийной дисциплиной, хотя ведущие политики имели своих агентов и разного рода сторонников. Перикл мог рассчитывать на то, что определенная часть граждан проголосует за выдвинутое им предложение или одобрит. Кто-то делал это в силу личных связей с ним, кто-то считал его хорошим руководителем или желал для Афин того же, что и Перикл. Но кроме них были и те, кто лишь иногда голосовал так, как хотел Перикл, – те, на чью поддержку нельзя было рассчитывать постоянно, но требовалось добиваться ее снова и снова. Перикл никогда не был непререкаемым лидером, как пытается уверить нас Фукидид. Другие влиятельные политические деятели тоже считали себя лидерами, то поддерживая Перикла, то лишая его своей поддержки.

Перикл не был «премьер-министром», который должен был проводить определенную политическую линию при решении любого возникавшего вопроса. Среди них могли быть и такие, любое решение которых вполне устраивало Перикла. При решении других – политических значимых вопросов – он чаще всего добивался требуемого результата. Но это не означает, что не выдвигались другие предложения. Благодаря имеющимся в нашем распоряжении надписям V–IV вв. до н.э. мы получили информацию о значительном количестве принимавшихся на собраниях решениях и о тех, кто их предлагал. При этом ряд имен встречается несколько раз, некоторые из них – более трех-четырёх раз. И все же мы располагаем лишь малой частью решений, которые были приняты: будь их больше, возросло бы и число часто встречающихся имен (впрочем, не меньше стало бы и тех, чьи имена встречались бы один или два раза)³². Демократическое государственное устройство Афин содействовало, и даже требовало, участия всех граждан. В результате одни тратили на занятия общественными делами немало времени и усилий, другие были не столь активны, участвуя в обсуждении лишь время от времени. Быть может, это происходило тогда, когда они становились членами Совета, или же – подобно некоторым членам палаты лордов – когда поднимался интересующий их вопрос. Кто-то из тех, кто редко предлагал решения, мог действовать от имени влиятельного лица – подобно уже упоминавшимся агентам (или друзьям) Перикла. Наконец, были и те, кто, не являясь чьими-либо политическими агентами, стали авторами декретов просто потому, что хотели ими стать.

Я уверен, что у Перикла и других ведущих политиков была своя политическая линия, свое представление о том, в каком направлении должны двигаться Афины. Но я сомневаюсь в том, что они ощущали необходимость иметь твердое мнение по всем вопросам или стремились влиять на решение любого вопроса, обсуждавшегося на собрании. Но и тогда, когда они имели твердое мнение и действительно желали

³¹ «После этого стала уже собираться буря Пелопоннесской войны – коринфяне пошли войной на керкирцев. Перикл убедил народ послать помощь жителям Керкиры... Когда народное собрание приняло постановление об отправке помощи, он послал туда Лакедемония, сына Кимона, дав ему, как бы издеваясь над ним, только десять кораблей. Дом Кимона отличался особенным расположением и дружбой к лакедемонянам. Перикл умышленно дал Лакедемонию так мало кораблей и послал его против его воли: он рассчитывал, что если Лакедемоний не совершит во время своего начальствования ничего замечательного и блестящего, то его в еще большей мере будут обвинять в лаконофильстве» (*Plut. Per.* 29. 1–2; пер. С.Я. Лурье).

³² Hansen M.H. *The Number of Rhetores in Athenian Ecclesia. 355–322 B.C.* // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1984. 25. P. 123–155 = Hansen M.H. *The Athenian Ecclesia. II.* Copenhagen, 1989. P. 93–125, addenda p. 126 f.

повлиять на решение собрания, они не могли быть уверены в том, что каждый раз желаемое решение будет принято. На одном заседании собрание могло принять одно решение, а затем на следующем заседании (или даже на том же самом) принять другое, которое препятствовало исполнению предыдущего. И дело здесь не столько в непостоянстве толпы, как утверждали Фукидид (например Thuc. II. 65. 3–4) и другие критики демократии, сколько в том, что различные предложения поддерживались различными группами граждан, которые могли и не иметь определенной позиции. Что же касается Перикла, то в большинстве случаев он мог, я думаю, рассчитывать на принятие желаемых решений по наиболее важным для него вопросам. В этом смысле политика Афин примерно от 460 до 430 гг. до н.э. может быть названа политикой Перикла. И все-таки даже он в каждом конкретном случае не мог быть уверен в принятии желаемого решения. Решение поддержать Керкиру в 433 г. до н.э., я уверен, было именно тем, чего хотел Перикл. Об этом молчит Фукидид, но сообщает Плутарх (Per. 29. 1)³³. Фукидид же рассказывает о том, что в первый день собрание было расположено в пользу Керкиры (I. 44.1)³⁴.

В Афинах не царил анархия: на практике при принятии различных решений чаще всего достигалось согласие относительно целей и средств, что позволяло Афинам двигаться в одном направлении. Однако потенциально анархия всегда здесь присутствовала и временами за двумя шагами вперед следовал шаг назад. Ни один человек, пусть даже и влиятельный, никогда не контролировал политику Афин абсолютно. И если понадобятся современные параллели, то вспоминаются скорее рыхлые политические коалиции таких стран, как Италия, нежели соперничающие друг с другом партии США или Соединенного Королевства*.

WHO RAN DEMOCRATIC ATHENS?

P.J. Rhodes

According to Thucydides, Periclean Athens was «in theory democracy but in fact rule by the first man» (Thuc. II. 65. 9), but study of the system within which Pericles had to work shows that he cannot have been as powerful as Thucydides would like his readers to think. As general (*strategos*) Pericles was one of a board of ten men, subject to annual re-election, theoretically equal, and except as commanders of the army and navy not in fact given much formal power.

To have his policies adopted, a political leader had to persuade the *ekklesia* (assembly) on a number of separate proposals on a number of separate occasions. He could have served in the *boule*, the council which prepared the assembly's business, only for two years in his life, but he may well have taken care to have supporters in the *boule* in other years. He may have acquired supporters through various Athenian institutions: his phratry; his deme, his *trittys* and his tribe; successful performance of liturgies (which would bring distinction to himself and would earn the gratitude of the sailors, the singers, the tribesmen or others who were in any way associated with him in the liturgy); the friendship of contemporaries, with whom he had exercised in the gymnasium or drunk in the symposium. Some men, perhaps hoping to be political leaders themselves in the next generation, attached themselves to one of the leading figures and acted as his agent in the *boule*, the *ekklesia* and elsewhere. Lawsuits were personal matters, in which prosecutors and defendants had to plead their own cases, and a trial tended to develop into a contest between the opposing litigants; these provided politicians with further opportunities for attracting public attention, and for forming and conforming friendships and enmities.

³³ См. прим. 31.

³⁴ О наличии двух подходов при решении вопроса свидетельствует Фукидид: «Выслушавши обе стороны, афиняне дважды созывали народное собрание. В первом собрании речь коринфян была принята так же благосклонно, как и речь керкирян; во втором же собрании афиняне переменили мнение и решились не заключать с керкирянами такого союза, в силу которого у них были бы общие враги и друзья... но вступить с ними в оборонительный союз...» (Thuc. I. 44. 1).

* Перевод В.Р. Гущина.

Candidates for office stood primarily as individuals. At a time of crisis the fact that a candidate championed a particular policy would be one relevant fact about him, which might influence some of the voters, but others might vote for a man with whom they had a connection, or might have no long-term commitments but might make up their minds on particular occasions. When champions of different policies were appointed at the same time (e.g. Nicias and Alcibiades as commanders of the Sicilian expedition of 415), this means not that «the Athenians», collectively, chose to appoint both, but that each had a body of supporters who were able to ensure that their man was one of those appointed.

Although something could be done to mobilise supporters on particular occasion, there were no organised political parties; and a leading politician was not a prime minister who had to have a policy on every issue that came before the *ekklesia*. If a man like Pericles did have a general policy for Athens, a general line of action which he wanted Athens to follow, he might be influential enough to ensure that on most occasions the *ekklesia* decided as he wanted; but he could not ensure that on every occasion the *ekklesia* would decide as he wanted, and he always faced the risk that when the *ekklesia* did decide as he wanted, it might on a later occasion or even on the same occasion take another decision which would hamper the carrying-out of that first decision. If we want a modern parallel for Athenian democratic politics, we should look not to the entrenched majorities parties of the United Kingdom or the United States, but to the shifting coalitions of a country like Italy.